

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СЕРЕДИНЫ I в. н.э. ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

А.А. Труфанов*, В.И. Мордвинцева**

* *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,*
trufanov.29@gmail.com

** *Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,*
v_mordvintseva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена публикации погребения в подбойной могиле середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя. Комплекс входит в группу захоронений варварской элиты, сопровождающихся золотыми венками и лицевыми пластинами. Практически все эти погребения совершены в грунтовых склепах, поблизости от дороги, ведущей по направлению к городищу, и отличаются необычайной пышностью погребального инвентаря, что позволяет отнести погребенных в них лиц к высшей социальной элите, возможно, надлокального уровня. Употребление нехарактерной формы погребального сооружения (подбойная могила) и относительная немногочисленность погребального инвентаря при наличии знаков высокого социального статуса свидетельствуют об особом прижизненном статусе погребенного в могиле № 1074.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, позднескифская культура Крыма, социальная элита, погребальные обряды

Усть-Альминский некрополь расположен на побережье Юго-Западного Крыма, в устье реки Альма, рядом с одноименным позднескифским городищем. Изучение памятника продолжается несколько десятилетий, и за это время здесь раскопано более тысячи погребальных сооружений I в. до н. э. – середины III в. н. э.¹

В 2015 г. в центральной части некрополя, в непосредственной близости от северного края древней дороги, проходившей через некрополь от городских ворот в юго-восточном направлении, исследована подбойная могила № 1074 (рис. 1). Погребальное сооружение обнаружено при выборке грунта из ямы, принятой вначале за древний грабительский шурф. Заполнение этой ямы состояло из относительно рыхлого грунта, перемешанного с галькой, в котором найдены обломки

Труфанов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Раннего железного века Института археологии Крыма РАН. E-mail: trufanov.29@gmail.com

Мордвинцева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, зав. Отделом археологии Раннего железного века Института археологии Крыма РАН. E-mail: v_mordvintseva@mail.ru

Статья подготовлена в рамках выполнения прикладной плановой темы «Археологические памятники варварского населения Крыма в III в. до н.э. – VI в. н.э.» (1005-2015-0003), утвержденной государственным заданием отделу археологии раннего железного века ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» на 2016 г.

¹ Высотская 1994; Пуздровский 2007; Puzdrovskij 2013.

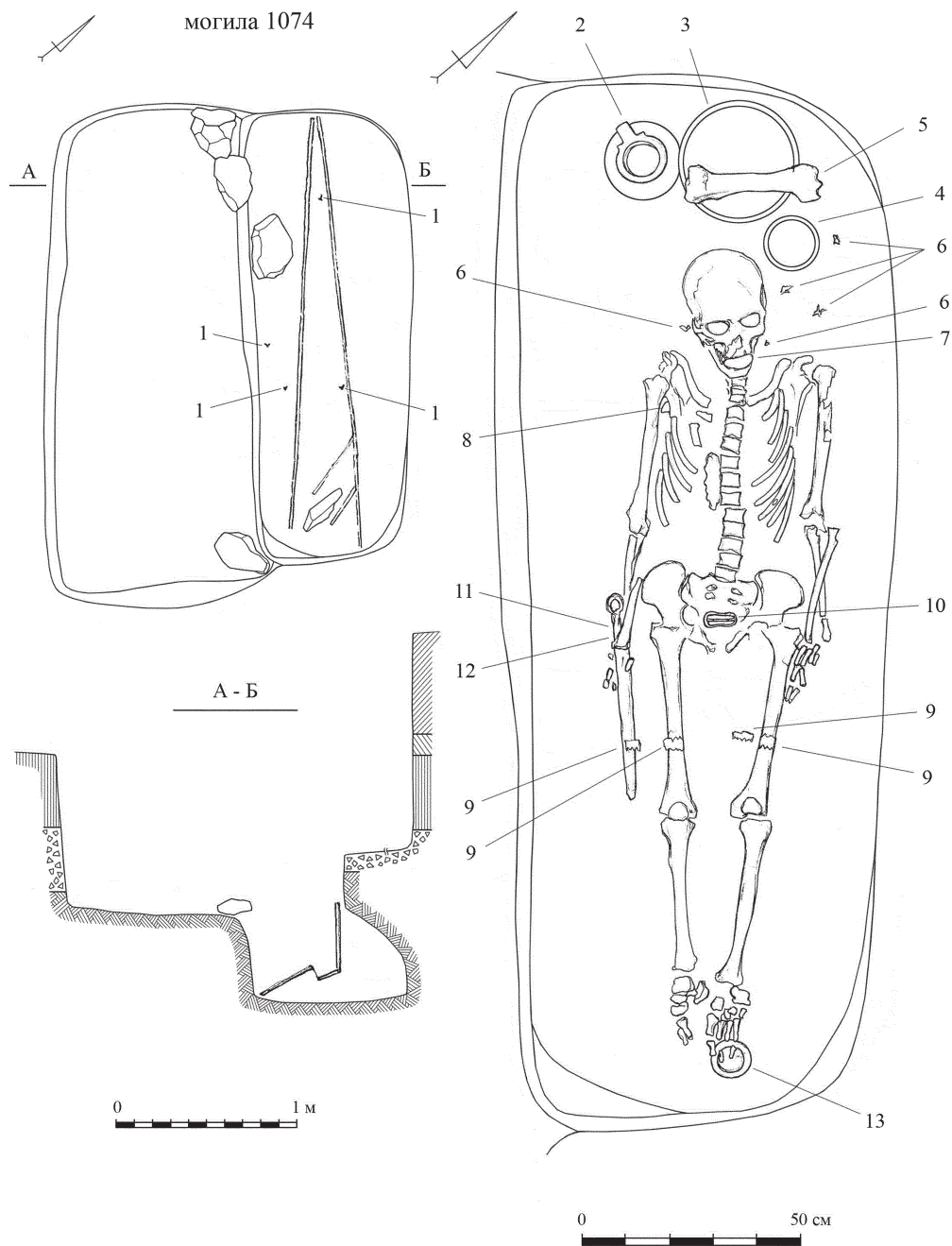

Рис. 1. Могила 1074. План, разрез, план погребения.

1 – гвозди, 2 – кувшин, 3 – тарелка, 4 – чашка, 5 – кость животного, 6 – трилистники от венка, 7 – нагубник, 8 – наглазники, 9 – фрагменты лент, 10 – пряжка, 11 – нож, 12 – меч, 13 – лепной сосуд

керамических сосудов², в том числе фрагменты широкогорлых светлоглиняных амфор с двустольными ручками (рис. 2, 1–4), фрагмент ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры (рис. 2, 5), обломки красноглиняных амфор (рис. 2, 6, 7) и краснолакового канфара (рис. 2, 8).

После удаления рыхлого грунта из ямы стало ясно, что она выкопана в более плотном заполнении другой, еще большей ямы, имеющей прямоугольные очертания, являющейся входной ямой подбойной могилы.

Входная яма размерами 1,05–1,18х2,62–2,75 м, глубиной 1,56–1,60 м от современной поверхности, ориентирована по оси ЮВ–СЗ. Ее размеры несколько превышают средние параметры входных ям подбойных могил, известных на территории Усть-Альминского некрополя.

Камера подбоя, размерами 2,26 х 0,76–0,85 м, расположена к северо-востоку от входной ямы и вырублена в плотном мергелистом грунте. Спуск в подбой оформлен в виде ступени высотой 0,48–0,50 м. Каменный заклад, который должен отгораживать подбой от входной ямы, отсутствовал. Однако по ряду признаков можно определить, что изначально он имелся, но впоследствии был разрушен, а составлявшие его каменные плиты удалены из входной ямы. Так, на дне ямы обнаружено несколько небольших обломков песчаника, оставшихся от разрушенной конструкции заклада. Такие обломки, в том числе поставленные вертикально, с упором на стенки входной ямы, сохранились по краям линии, отделяющей подбой от входной ямы, еще два найдено в верхней части заполнения камеры подбоя. Кроме того, на грунте, заполняющем камеру, за скоплением камней в северном углу входной ямы сохранился отпечаток поверхности большой плоской плиты, относившейся к конструкции заклада, но отсутствующей в могиле. Данный отпечаток имел белесый цвет и производил впечатление заизвесткованного грунта.

Обнаруженных в яме камней, учитывая их небольшие размеры, явно недостаточно для того, чтобы закрывать подбойную камеру. Дальнейшие исследования показали, что погребение в могиле № 1074 не было разграблено, поэтому отсутствие целостного каменного заклада нельзя объяснить его разрушением в процессе ограбления. Иными словами, разборка заклада и удаление составлявших его больших каменных плит не были мотивированы намерением ограбить могилу, а являлись следствием каких-то иных причин.

В верхней части заполнения подбойной камеры удалось проследить белесые отпечатки длинных досок, среди которых найдены фрагменты не менее четырех железных гвоздей (рис. 1, 1; рис. 3, 7). Судя по этим отпечаткам, две доски размещались горизонтально, с небольшим уклоном по направлению к входной яме, третья была поставлена на ребро, отгораживая северо-восточную часть камеры подбоя.

На дне подбоя располагалось захоронение взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Экспертиза костных остатков³, обнаруженных в могиле № 1074, позволила установить следующее.

² Всего в заполнении ямы найдено 23 фрагмента керамики. Из них широкогорлые светлоглиняные амфоры: венчик – 1 экз., ручки – 3 экз., стенки – 2 экз.; узкогорлые светлоглиняные амфоры: ручка – 1, стенки – 5; красноглиняные амфоры: ручки – 2, стенка – 1; гончарные столовые сосуды: стенки – 6; краснолаковые сосуды: ручка – 1, стенка – 1.

³ Экспертиза проведена А.А. Казарницким, к.и.н., м.н.с. отдела антропологии Музея антропологии и этнографии РАН, доцентом кафедры этнографии и антропологии Института Истории СПбГУ, которому авторы выражают глубокую признательность.

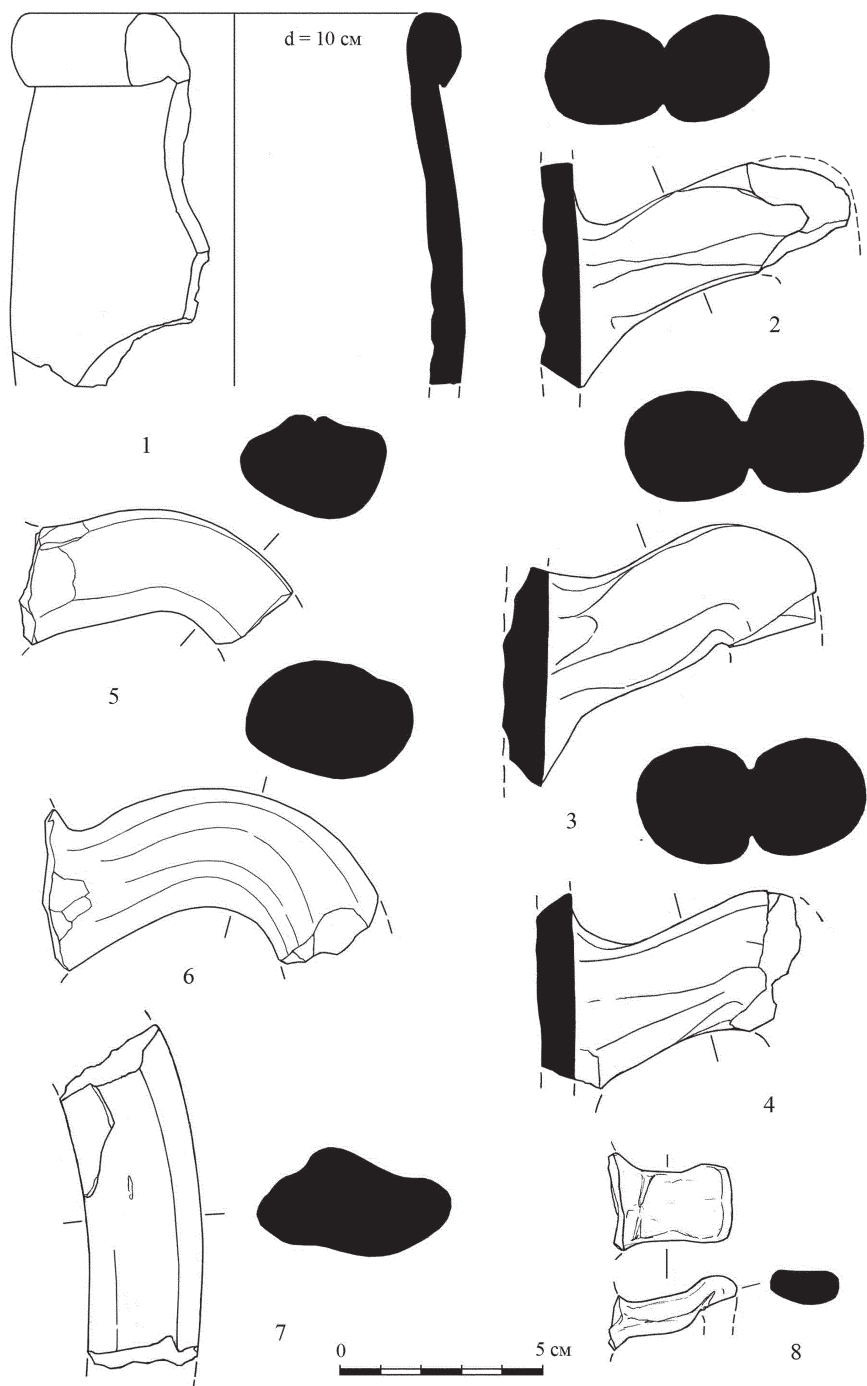

Рис. 2. Могила 1074. Фрагменты керамики из заполнения ямы, выкопанной во входной яме: 1-4 – широкогорлые светлоглиняные амфоры, 5 – узкогорлая светлоглиняная амфора, 6, 7 – красноглиняные амфоры, 8 – краснолаковый канфар

Состояние суставных поверхностей длинных костей, жевательной поверхности зубов и степень облитерации черепных швов соответствуют возрастной категории 25–35 лет. Морфология тазовых костей, рельеф черепа и общие размеры скелета свидетельствуют о мужской половой принадлежности погребенного. Отмечены следы нескольких прижизненных травм со следами застарения: перелом дистальной трети левой ключицы; поверхностный дефект костной ткани левой половины чешуи лобной кости в виде черты длиной около 30 мм (вероятно, след от рублевой раны); горизонтальное углубление на правой скуловой кости возле лобно-скулового шва; следы прижизненных повреждений ребер левой половины грудной клетки (сквозное отверстие в одном ребре – результат зажившей колотой раны). Краниометрические признаки: 1. Продольный диаметр 183 мм; 8. Поперечный диаметр 139 мм; 11. Ширина основания черепа 129 мм; 9. Наименьшая ширина лба 99 мм; 45. Скуловой диаметр 128 мм; 48. Верхняя высота лица 72 мм; 55. Высота носа 52 мм; 54. Ширина носа 26 мм; 46. Средняя ширина лица 97 мм; 43. Верхняя ширина лица 108 мм; 51. Ширина орбиты 39 мм; 52. Высота орбиты 31 мм; 75(1). Угол выступания носа $35,5^\circ$.

На черепе и вокруг него найдены остатки погребального венка в виде золотых трилистников (рис. 1, 6; рис. 5, 1). Большинство из них находилось в сильно деформированном, скомканном состоянии, некоторые – довольно далеко от черепа. Всего найдено семь таких трилистников (размеры: 4,4–4,6 x 2,9–3,3 см).

Поверх зубов лежал нагубник в виде овальной золотой пластины (размеры: 8,1 x 2,8 см) (рис. 1, 7; рис. 5, 2). У правой ключицы под лопаткой найдены два золотых наглазника полукруглой формы (размеры: 4,1 x 2,4 см и 4,1 x 2,3 см) с рельефным изображением глаз, сложенные вместе, один поверх другого (рис. 1, 8; рис. 5, 3).

За черепом у северо-западной стенки погребальной камеры стояла краснолаковая посуда: тарелка с лежащей внутри нее крупной костью животного, кувшин и чашка.

Краснолаковый одноручный кувшин с широким горлом и округлым приземистым туловом, с конусовидными выступами на венчике по бокам от верхнего прилепа ручки (рис. 1, 2; рис. 3, 4). Диаметр венчика 8,8 см, высота 17,0 см, диаметр поддона 7,4 см.

Краснолаковая усечено-коническая тарелка с плавно загнутым, почти вертикальным венчиком (рис. 1, 3; рис. 3, 3). Диаметр венчика 23,2 см, высота 7,0 см, диаметр поддона 6,4 см.

Краснолаковая полусферическая чашка (рис. 1, 4; рис. 3, 1). Диаметр венчика 10,1 см, высота 5,0 см, диаметр поддона 4,5 см.

Глина всех трех сосудов красно-оранжевая, относительно плотная, с примесью бурых частиц и пустотами. Лаковое покрытие невысокого качества, матовое, бурого цвета, местами более светлого оранжевого оттенка, неплотное, неравномерное. Нижняя часть оставлена без покрытия. Сосуды сформованы довольно небрежно, с более или менее выраженным отклонением от вертикальной оси, на поверхности видны неровности, образовавшиеся при вращении на гончарном круге.

У ног погребенного, рядом со ступнями, находился маленький толстостенный лепной сосуд, выполнявший роль курильницы (рис. 1, 13; рис. 3, 2). Диаметр венчика 5,5 см, высота 4,6 см, диаметр дна 2,6 см.

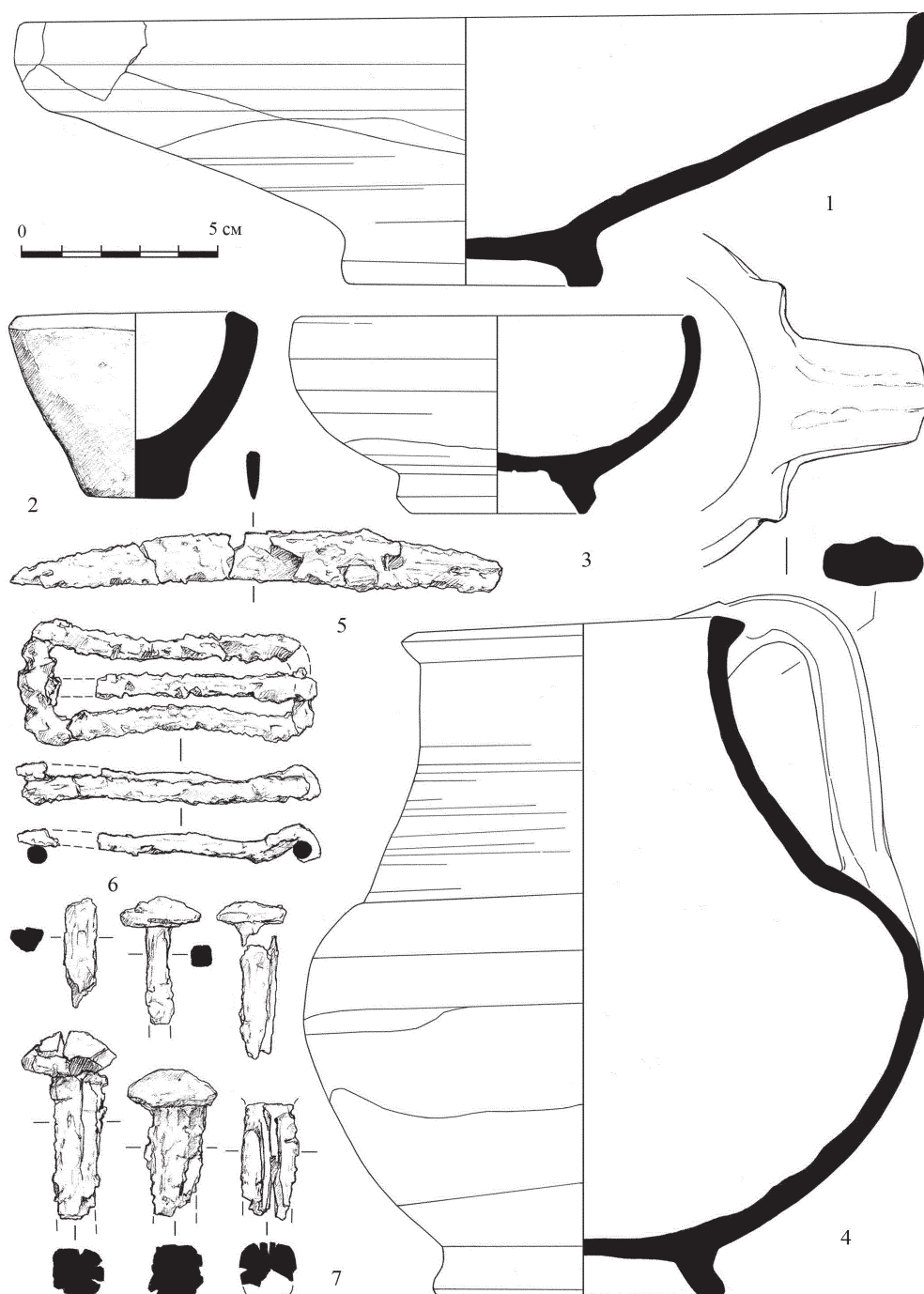

Рис. 3. Могила 1074. Находки: 1 – краснолаковая тарелка, 2 – лепной сосуд, 3 – краснолаковая чашка, 4 – краснолаковый кувшин, 5 – нож, 6 – пряжка, 7 – фрагменты гвоздей (1–4 – глина, 5–7 – железо)

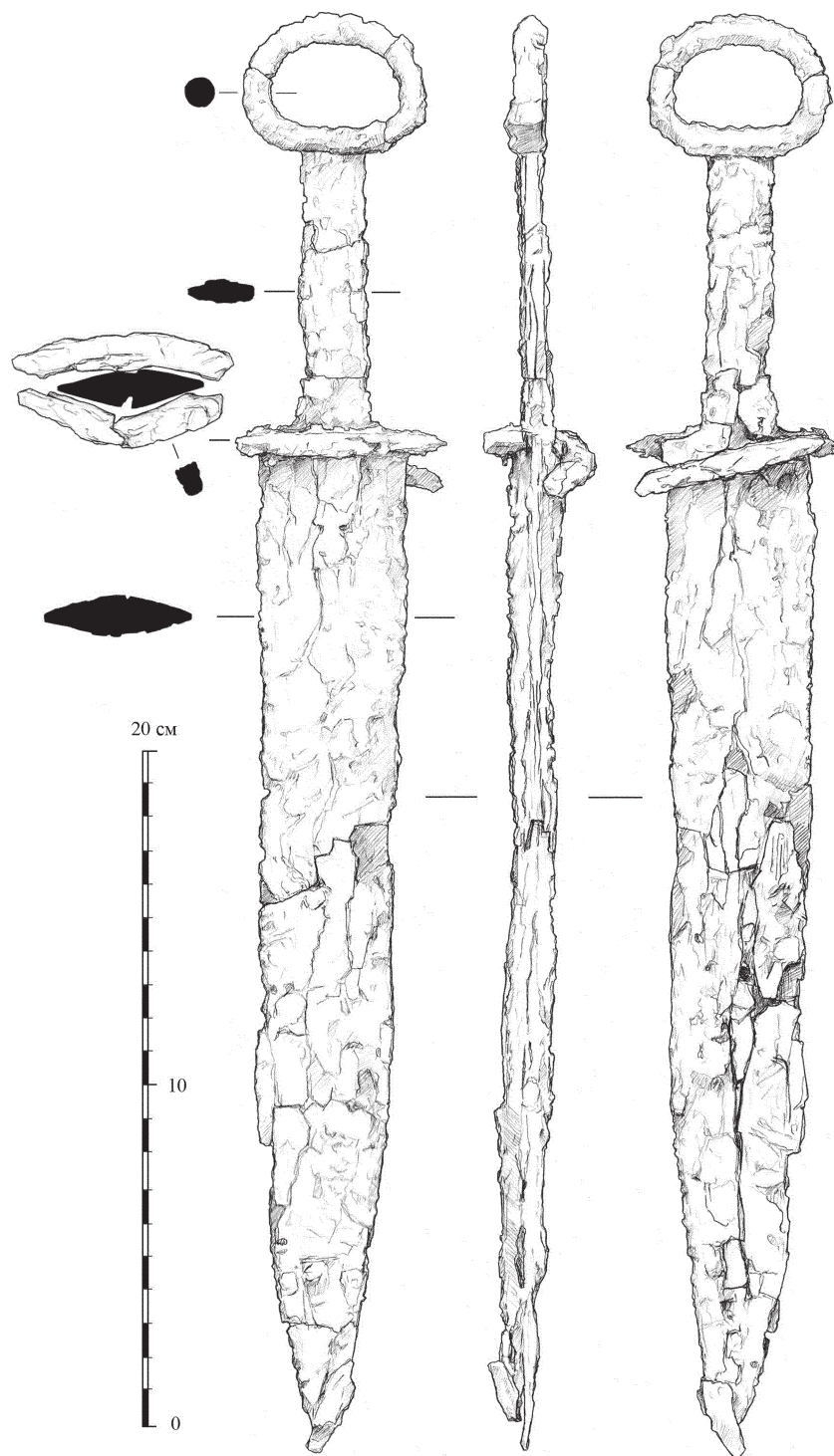

Рис. 4. Могила 1074. Железный меч

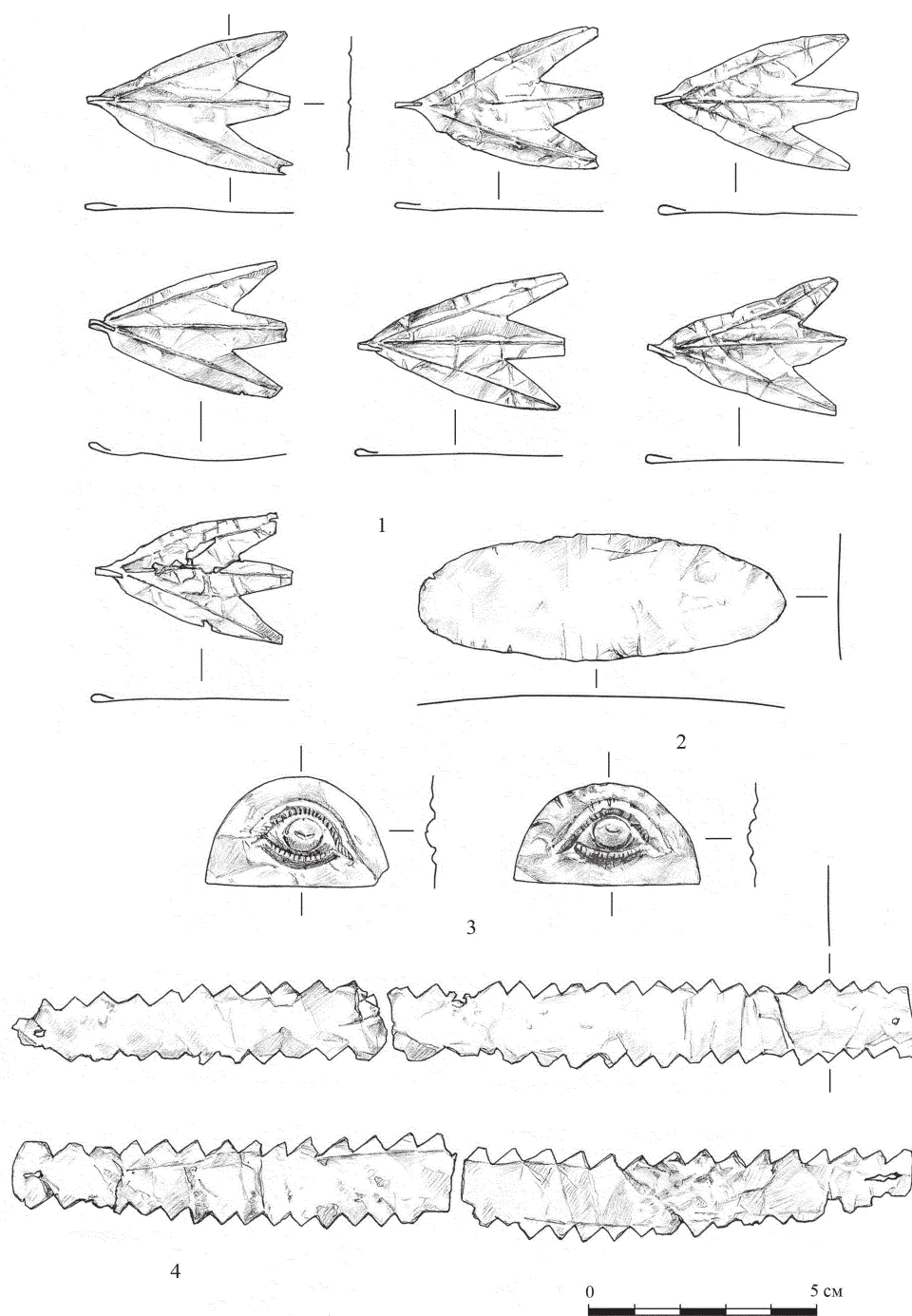

Рис. 5. Могила 1074.

Золотые изделия: 1 – трилистники от венка, 2 – нагубник, 3 – наглазники, 4 – ленты с зубренными краями

Среди тазовых костей находилась железная поясная пряжка (рис. 1, 10; рис. 3, 6) с длинной, почти прямоугольной рамкой, сужающейся посередине, и подвижным язычком (длина рамки 7,6 см, наибольшая ширина 3,2 см).

Вдоль правой бедренной кости погребенного, под костями кисти правой руки, лежал железный меч с перекрестием и кольцевым навершием (общая длина 42,7 см, длина лезвия 29,5 см, наибольшая ширина 4,4 см) (рис. 1, 12; рис. 4). Рядом с его рукоятью располагался железный нож (длина 12,5 см) (рис. 1, 11; рис. 3, 5).

Поперек лезвия меча, на бедренных костях и между этими костями обнаружены четыре фрагмента лент с зубчатыми краями, изготовленных из тонкой золотой фольги, располагавшиеся в линию (рис. 1, 9; рис. 5, 4). Длина фрагментов 8,3 см, 11,6 см, 8,8 см и 9,9 см при ширине 1,8–1,9 см. Принимая во внимание форму этих фрагментов, наличие одного маленького сквозного отверстия на краю каждого из них, а также неровности, заметные на краях и похожие на следы разрывов, можно предположить, что первоначально полос было две и, возможно, они были укреплены на одежде или на ремне. Впоследствии по неизвестной причине каждая из двух пластинчатых лент была разорвана на две части. Примечательным является то, что полоски из золотой фольги плотно прилегали к бедренным костям, облекая их, лежали ровно, оборачиваясь вокруг кости. Невозможно вообразить, чтобы это произошло естественным образом, в процессе разложения одежды и самого тела. Напротив, создается впечатление, что обе бедренные кости были намеренно обернуты золотыми полосками и это произошло тогда, когда сами эти кости уже были обнажены.

Наблюдения, сделанные во время полевых исследований, позволяют сделать вывод о том, что в случае с могилой № 1074 спустя некоторое время после совершения погребения и засыпки входной ямы, видимо, были проведены постпогребальные обряды⁴. Для этой цели был выкопан шурф в юго-восточной части входной ямы, каменные плиты заклада разобраны и изъяты, совершено повторное вскрытие могилы. После проникновения в камеру бедренные кости ног погребенного, очищенные от мягких тканей в процессе разложения трупа, были обернуты двумя фрагментами золотой пластины, перед этим, очевидно, являвшейся частью погребального костюма. Третий фрагмент пластины поместили посередине между бедренными костями, четвертый положили поперек лезвия меча. Целостность погребального венка была также повреждена, некоторые из составлявших его листиков были смяты. После этого костяк был прикрыт тремя досками, в которых находилось несколько гвоздей. Возможно, эти доски составляли крышку гроба, снятую для проведения обрядовых действий, хотя следов древесного тлена, свидетельствующих о наличии такого гроба, на уровне залегания костяка не замечено. Затем выкопанную яму засыпали перемешанным грунтом с фрагментами битой посуды, возможно, от тризны.

Датировка комплекса

Большинство вещей из могилы № 1074 слабо информативны в хронологическом отношении.

Кувшин, миска и чашка не имеют полных аналогий по своей форме как в Усть-Альминском некрополе, так и в других могильниках Юго-Западного Крыма. По качеству керамического теста и лакового покрытия, высоте поддона они отно-

⁴ Флеров 2007, 121; 1993, 58.

Рис. 6. Могила 1074.
Деталь погребения

Рис. 7. Могила 1074. Деталь погребения

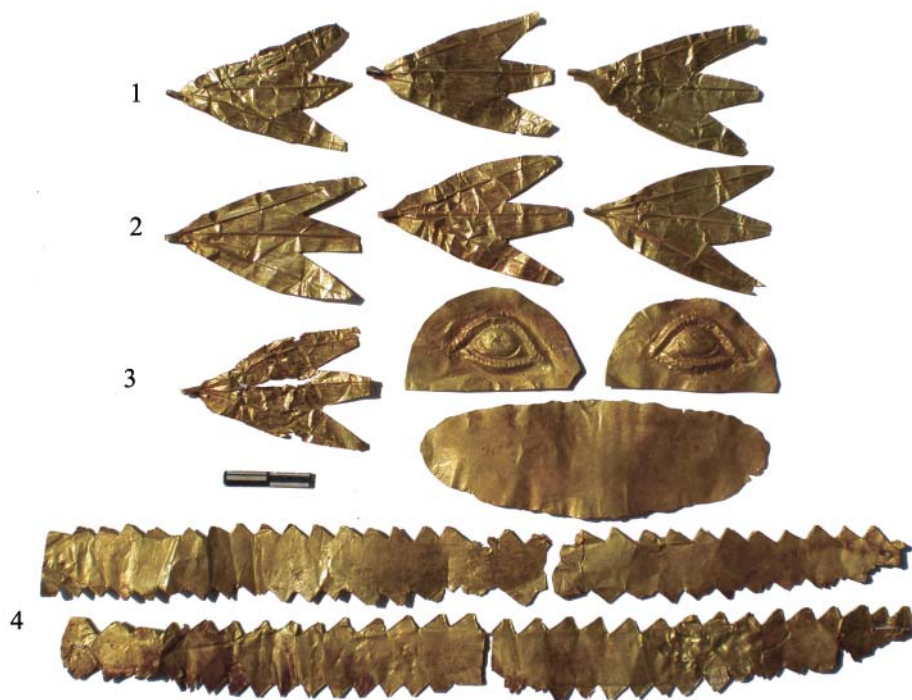

Рис. 8. Могила 1074. Золотые изделия
1 – трилистники от венка, 2 – нагубник, 3 – наглазники,
4 – ленты с зазубренными краями

сятся к группе Понтийской сигилляты А⁵. Чашка относится к форме 14.1⁶. Миска по большей части признаков близка форме 17.1.1⁷, хотя форма бортика отличает ее от других экземпляров этой группы. Наиболее необычен по своей форме кувшин, особенно способ крепления верхней части его ручки к венчику сосуда, что сближает его с кружками и канфарами. По форме тулова и горла кувшин можно отнести к форме 2.1⁸. В целом, все эти формы датируются Д.В. Журавлевым в широких пределах I – первой половины II вв. н.э., но посуда с нестандартными формальными признаками, по наблюдению А.А. Труфанова, имеет, как правило, более раннюю дату.

Лепные курильницы, как и любые лепные сосуды, сильно переменчивы. Курильница из могилы № 1074 относится к типу мисочек усеченно-конусовидной формы⁹, которые встречаются в могилах Крыма I в. до н.э. – первых веков н.э.

Короткие мечи с кольцевым навершием обнаружены в комплексах варварской элиты Крыма с I в. до н.э. (погребение 20 ящика XXIV Мавзолея Неаполя скифского¹⁰) до II в.н.э.¹¹, причем наибольшее число экземпляров происходит из Усть-Альминского могильника.

Лицевые пластины в комплекте из пластинчатых золотых наглазников и нагубника известны в погребальных комплексах варварской элиты Центрального, Юго-Западного Крыма и Нижнего Поднепровья II–I в. до н.э.¹² В I–II вв. н.э. находки лицевых пластин в той же и расширенной комплектации, которая включает нагрудники и наушники, концентрируются в погребениях элиты некрополей некоторых античных городов Боспора (например, Горгиппии¹³), Ольвии¹⁴, Херсонеса¹⁵, а также ближайшей к Херсонесу варварской периферии (Чернореченский, Усть-Альминский могильники). Такие комплекты известны также в погребальных комплексах греко-римской культуры первых веков н.э. в Сирии (Дура-Европос)¹⁶ и Румынии¹⁷.

Все перечисленные находки имеют индивидуальные формальные особенности. Как правило, они имеют овальную форму, довольно часто украшены рельефным орнаментом в виде линий, точек, изображений зрачка на наглазниках и линий губ на нагубниках и – реже – прорезями. В некоторых случаях наглазники изготовлены из одной металлической пластины с перемычкой для переносицы. Каких-либо закономерностей, которые могли бы выступать датирующими признаками, не выявлено, хотя «натуралистичное» изображение глаз с детализировкой зрачка и ресниц отмечено только на экземплярах римского времени.

⁵ Журавлев 2010, 40, 66.

⁶ Журавлев 2010, 54, 219, табл. 23.

⁷ Журавлев 2010, 55, 220, табл. 24.

⁸ Журавлев 2010, 74–75, 235–238, табл. 39–42.

⁹ Высотская 1994, 84, рис. 4, 7, рис. 14, 30; Пуздровский 2007, 311, рис. 38, 1; 355, рис. 81, 5–6, 8–9.

¹⁰ Пуздровский 2007, рис. 25, II.1.

¹¹ Пуздровский 2007, рис. 86, 1–3, рис. 87, 1–3, 5, рис. 88, 1–4; Волошинов, Мяскин 2007, рис. 3, 11, рис. 6, 2.

¹² Погребова 1956; Зайцев 2004.

¹³ Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, кат. 1–3, 8–9; Новичихин, Галут 2015, 42, 56.

¹⁴ Пятыхшева 1956, 36.

¹⁵ Пятыхшева 1956, 29–30, табл. V.

¹⁶ Rostovtzeff 1946, Taf. XXXIV, Tomb 6 – III; Taf. XXXVII, Tomb 6 – XV; Taf. XLI, Tomb 13; Taf. XLV, Tomb 24 – XIV, XIX; Taf. XLVII, Tomb 24 – XIV; Taf. XLVIII, Tomb 28; Taf. XIX, Tomb 32.

¹⁷ Slej, Sörling, Popovici 2004, 196–197 № 155–158.

Две находки лицевых пластин (только наглазники, без нагубника) происходят из Прикубанья. Они отличаются по форме и орнаментации от крымских и поднепровских экземпляров. Во впускном погребении кургана «Острый» наглазник изготовлен в виде двух дисков, вырезанных из тонкой пластины со штампованным изображением лежащего оленя с подогнутыми ногами, окруженного ободком-«веревочкой»¹⁸. По стеклянному канфару типа Ша.3¹⁹ могила датируется 1 половиной I в.н.э. Аналогичный наглазник обнаружен в погребении 1 кургана 15 у станицы Батурина²⁰, которое не может быть узко датировано ввиду отсутствия в могиле хронологически информативных предметов.

Золотые венки и их детали находят в погребениях греческих и римских некрополей, начиная с классического периода до конца римского времени²¹. Венки надевали на умершего во время обряда *prothesis*, но снимались перед кремацией и затем помещались в урну вместе с кремированными остатками. Обнаруженные в могиле № 1074 листья венка изображают листья сельдерея (*Apium graveolens L.*) стандартного типа – в виде трилистника с прямыми сторонами, с прямыми линиями, идущими от кончиков листа к его основанию. Они либо пришивались, либо наклеивались на основу из материи, кожи или дерева. Такие стилизованные листья венка чаще всего встречаются в погребениях первых веков н.э.

Наиболее узко датирующейся находкой в составе вещей из могилы № 1074, является пряжка первой половины – середины I в. н. э. (рис. 3, 6). В Крыму пряжки подобной формы известны по находкам из комплексов, датирующихся в пределах первой половины – середины I в. н. э., иногда попадая в погребения третьей четверти I в. н. э.²² Несколько таких застежек, порой имеющих более скругленную переднюю часть, найдено в погребениях Кольчугинского²³, Кульчукского²⁴ и Усть-Альминского²⁵ некрополей.

Таким образом, погребение в могиле № 1074 можно датировать приблизительно серединой I в.н.э. О времени осуществления повторного вскрытия могилы свидетельствуют фрагменты керамики, обнаруженные в заполнении шурфа.

Так, в засыпь ямы, вырытой для проведения постпогребального обряда, попали обломки широкогорлых амфор с двуствольными ручками (тип С-I по С.Ю. Внукову). Такие амфоры С.Ю. Внуков разделил на ранний и поздний варианты. Судя по довольно резкому перегибу ручек (рис. 2, 2–4), эти обломки скорее всего относятся к позднему варианту сосудов (С-Iб), датирующихся концом первой четверти (или 10-ми годами) I – первой третью II в. н. э.²⁶ Отнесение найденного здесь же фрагмента венчика (диаметр около 10 см) (рис. 2, 1) к какому-либо варианту вызывает затруднения, так что приходится датировать его общими рамками существования типа, пределами второй половины I в. до н. э. – первой трети II в. н.э.²⁷

¹⁸ Гущина, Засецкая 1989, 95, кат. 20.

¹⁹ Засецкая, Марченко 1989, 72–73.

²⁰ Чернопицкий 1985, 253, рис. 2.

²¹ Kurtz, Boardman 1971, 101, 163, 165, Abb. 39.

²² Труфанов 2004, 162–164, 168, рис. 2, 5–11.

²³ Храпунов, Масакин, Мульд 1997, рис. 14, 21; 15, 4; 17, 1, 11.

²⁴ Дашевская 2014, табл. 170, 11, 12.

²⁵ Пуздровский 2007, рис. 96, 9, 10.

²⁶ Внуков 2003, 53; 2006, 202.

²⁷ Внуков 2006, 202.

Среди прочих обломков, найденных в заполнении ямы, имеется фрагмент ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры (рис. 2, 5), который может относиться к сосуду типа С-IVA или к амфоре типа С-IVB, датирующимся соответственно второй четвертью – концом I в. н. э. и последней четвертью I – первой третью II в. н.э.²⁸

На основании этих датировок, а также принимая во внимание предполагаемую дату совершения погребения, засыпку шурфа, а значит, и само повторное вскрытие могилы следует относить ко второй половине I в. н. э. или же к последней четверти I – первой трети II в. н. э. Если правомерна первая датировка, то срок между совершением захоронения и повторным вскрытием могилы мог быть совсем незначительным, но если фрагмент ручки светлоглиняной амфоры относится к сосуду типа С-IVB, то между упомянутыми событиями должно было пройти не менее 10–15 лет.

Особенности погребального обряда и социальное положение погребенного

Захоронения, сопровождающиеся золотыми венками и лицевыми пластинами, составляют в Усть-Альминском некрополе относительно немногочисленную, но яркую группу. На настоящий момент, включая раскопки 2015 г., здесь зарегистрировано не менее 19 погребений с остатками золотых венков, из них 8 захоронений сопровождалось не только венками, но и лицевыми пластинами. Золотые венки вместе с наглазниками и нагубниками найдены в склепах №№ 138, 612, 806, 777 (4 погребения) и в могиле № 1074. Венки без лицевых пластин, в том числе отдельные золотые трилистники из разграбленных погребальных сооружений, найдены в склепах №№ 54, 88 (4 погребения), 92, 120, 620, 777 (1 погребение), 791. Кроме того, в ограбленном склепе № 987 найдены фрагментированные наглазники. В склепе № 944 фрагменты венка и золотые наглазники найдены в разных местах погребальной камеры, что заставило связывать их с различными погребениями. Практически все погребения с венками и лицевыми пластинами совершены в грунтовых склепах²⁹, большинство из которых находится поблизости от дороги, ведущей по направлению к городищу. Обнаружение такого захоронения в подбойной могиле пока является единичным случаем.

Погребения с золотыми венками и лицевыми пластинами Усть-Альминского некрополя, насколько можно судить по составу инвентаря³⁰, принадлежали преимущественно мужчинам, хотя зафиксированы также и женские захоронения³¹. Мужские погребальные комплексы в большинстве случаев сопровождалось оружием – мечом, луком, наконечниками стрел. Как правило, инвентарь этих могил чрезвычайно богат и разнообразен. Утилитарные элементы костюма, часто изготовленные из драгоценных металлов, представлены браслетами, фибулами, подвесками, амулетами, элементами поясной гарнитуры, нашивными бляшками. Среди погребальных приношений отмечены амфоры, деревянная посуда с резными изображениями животных, бронзовая римская посуда и пр. Учитывая использование погребальных сооружений особого типа, размещение могил на участке

²⁸ Внуков 2006, 202.

²⁹ Loboda, Puzdrovskij, Zajcev 2002; Пуздровский 2007, 156, рис. 109, 1–3; 112; 119; 121; 122; Puzdrovskij 2013.

³⁰ Из-за неудовлетворительного состояния костяков половозрастные определения в большинстве случаев не проводились.

³¹ В частности, женскими, скорее всего, являются захоронения в склепах №№ 54, 88, 92, 612/2, 620/1.

вдоль дороги, идущей на городище, а также необычайную пышность погребального инвентаря, можно сделать вывод о том, что здесь была похоронена высшая элита, возможно, надлокального уровня. Наличие в могильнике детских погребений, сопоставимых по обряду и богатству находок с захоронениями взрослых (например, склеп № 735), является признаком того, что в данном обществе социальный статус передавался по наследству³². Наличие оружия в мужских погребениях элиты свидетельствует о военном характере власти и иерархичной структуре общества. Демонстрирование во время погребальной церемонии золотых венков, перенятое из обычаев греков и римлян, характеризует элиту Усть-Альминского поселения как филэллинов.

Погребение в могиле № 1074 выглядит в сравнении с другими комплексами более скромно. В частности, за исключением железной пряжки, практически отсутствуют элементы костюма. В то же время параллели с другими погребениями элиты Усть-Альминского некрополя очевидны. Так, листики венка обнаружены смятыми в большинстве грунтовых склепов могильника. Наглазники, как правило, обнаружены лежащими стопкой рядом с костяком или под ним. Кроме того, близкое соответствие обряду, зафиксированному в могиле № 1074, имеется в склепе 777. Там, в составе вещей, относящихся к мужскому погребению 3, помимо золотого венка и лицевых пластин, находились две золотые продолговатые ажурные орнаментированные пластины³³. Как и в рассматриваемом случае, те пластины располагались поперек ног (на уровне коленей), причем каждая из них была разорвана на две части. Отличие состоит в том, что обрывки тех пластин не были обернуты вокруг костей, а лежали поверх них и около них – очевидно, они были положены, когда тело еще не разложилось. А.Е. Пуздровский считал данные пластины «украшением пояса или подола верхней одежды»³⁴. В этой связи интересна находка узкой золотой пластины (22x2,4 см) с изображением последовательности животных близ тазовых костей погребенного в основной могиле кургана «Острый» у станицы Ярославская³⁵. Учитывая, что во впускном погребении того же кургана обнаружены золотые наглазники – случай уникальный для памятников варварской элиты Прикубанья, не исключено, что размещение золотой ленты на тазовых костях покойного также является специфической деталью обряда, сближающей прикубанский и крымские комплексы.

Употребление нехарактерной формы погребального сооружения (подбойная могила) и относительная немногочисленность погребального инвентаря при наличии знаков высокого социального статуса свидетельствуют об особом прижизненном статусе умершего. Учитывая многочисленные рубленые раны и сравнительно молодой возраст покойного, использование для похорон индивидуальной могилы, а не семейного склепа, можно предположить, что на эти особенности обряда могли повлиять обстоятельства его гибели и, возможно, специфика семейного положения.

³² Иванова 2000, 392.

³³ Пуздровский 2007, рис. 121, 1, вклейка 12, 1; Puzdrovskij 2013.

³⁴ Пуздровский 2007, рис. 121.

³⁵ Гущина, Засецкая 1989, 91, 124, кат. 1. Аналогичная пластина, разорванная на 5 частей (общая длина более 50 см, ширина 2,5 см), происходит из Краснодарского края (Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010, кат. 171).

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. I. Морфология*. М.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. – Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли*. СПб.
- Волошинов, А.А., Масыкин, В.В. 2007: Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв.н.э. в Юго-Западном Крыму (Раскопки 2005–2006 гг.). В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. К 80-летию Татьяны Николаевны Высоцкой*. Симферополь, 291–302.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Гушина, И.И., Засецкая, И.П. 1989: Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в.н.э.). В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ 70*. М., 71–141.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Журавлев, Д.В. 2010: Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I—III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). *МАИЭТ 9*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 2004: Золотые «лицевые» пластины в позднескифской культуре Крыма В сб.: Н.А. Захарова (ред.), *Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников 13 коллоквиума (12–18 апреля 2004 г.)*. СПб., 47–50.
- Засецкая, И.П., Марченко, И.И. 1989: Литые стеклянные канфары из Прикубанья (классификация и хронология), *I Кубанская Археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар*, 72–73.
- Иванова, С.В. 2000: О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus 2*, 388–403.
- Мордвинцева, В.И., Хачатурова, Е.А., Юрченко, Т.В. 2010: *Сокровища древней Кубани*. Симферополь–Краснодар.
- Новичихин, А.М., Галут, О.В. 2015: *Золото Горгиинии*. Анапа–Краснодар.
- Погребова, Н.Н. 1956: Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. *КСИИМК 63*, 94–97.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пятышева, Н.В. 1956: Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н.э. – IV в.н.э. *Памятники культуры 18*. М.
- Труфанов, А.А. 2004: Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье. *РА 3*, 160–170.
- Флеров, В.С. 1993: *Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Маяцкий могильник)*. Волгоград.
- Флеров, В.С. 2007: Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в.н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в.н.э. *Труды Клин-Ярской экспедиции 3*. М.
- Храпунов, И.Н., Масыкин, В.В., Мульд, С.А. 1997: Позднескифский могильник у с. Кольчугино. *Бахчисарайский историко-археологический сборник 1*, 76–155.
- Чернопицкий, М.П. 1985: Курган с погребением «жрицы» на Кубани. *СА 3*, 251–255.
- Kurtz, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs. Aspects of Greek and Roman Life*. London.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh.n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim (Die Ausgrabungen des Jahres 1996). *Eurasia antiqua 8*, 295–346.

- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer: Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung*. Bonn, 290–323.
- Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R., Brawn, F.E., Welles, C.B. 1946: *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936*. Part II. Necropolis. New Haven.
- Slej, K., Sörling, S.U., Popovici, D.N. (eds.) 2004: *Guldsätter. Rumänien under 7000 år*. Stockholm.

REFERENCES

- Chernopitskiy, M.P. 1985: Kurgan s pogrebeniem “zhritsy” na Kubani. *Sovetskaja arheologija* 3, 251–255.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa*. Simferopol.
- Flyorov, V.S. 1993: *Pogrebal'nye obryady na severe Khazarского kaganata (Mayatskiy mogil'nik)*. Volgograd.
- Flyorov, V.S. 2007: Postpogrebal'nye obryady Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I v. do n.e. – IV v.n.e. i Vostochnoy Evrope v IV v. do n.e. – XIV v.n.e. *Trudy Klin-Yarskoy ekspeditsii* III. Moscow.
- Gushchina, I.I., Zasetkaya, I.P. 1989: Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikuban'e (I v. do n.e. – II v.n.e.). In: M.P. Abramova (red.), *Arkheologicheskoe issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy. Trudy GIM 70*. Moscow, 71–141.
- Ivanova, S.V. 2000: O sotsial'nom ustroystve yamnogo obshchestva Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. *Stratum plus* 2, 388–403.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V., Mul'd, S.A. 1997: Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Kol'chugino. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskii sbornik* I, 76–155.
- Kurtz, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs. Aspects of Greek and Roman Life*. London.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh.n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim (Die Ausgrabungen des Jahres 1996). *Eurasia antiqua* 8, 295–346.
- Mordvintseva, V.I., Khachaturova, E.A., Yurchenko, T.V. 2010: *Sokrovishcha drevney Kubani*. Simferopol–Krasnodar.
- Novichikhin, A.M., Galut, O.V. 2015: *Zoloto Gorgippii*. Anapa–Krasnodar.
- Pogrebova, N.N. 1956: Pogrebenie na zemlyanom valu akropolya Kamenskogo gorodishcha. *Kratkie soobshheniya instituta istorii material'noj kul'tury* 63, 94–97.
- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer: Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung*. Bonn, 290–323.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v.n.e. Pogrebal'nye pamyatniki*. Simferopol.
- Pyatysheva, N.V. 1956: Yuvelirnye izdeliya Khersonesa (konets IV v. do n.e. – IV v.n.e. *Pamyatniki kul'tury* 18. Moscow.
- Rostovtzeff, M.I., Bellinger, A.R., Brawn, F.E., Welles, C.B. 1946: *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935–1936*. Part II. Necropolis. New Haven.
- Slej, K., Sörling, S.U., Popovici, D.N. (eds.) 2004: *Guldsätter. Rumänien under 7000 år*. Stockholm.
- Trufanov, A.A. 2004: Pryazhki rannikh provintsial'no-rimskikh form v Severnom Prichernomor'e. *Rossiyskaya arheologiya* 3, 160–170.

- Vnukov, S. Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e. Part I. Morfologiya*. Moscow.
- Vnukov, S. Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v.n.e. Part II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli*. Moscow.
- Voloshinov, A.A., Masyakin, V.V. 2007: Pogrebeniya s oruzhiem iz nekropolya rimskogo vremeni u s. Zavetnoe (Alma-Kermen) 1–3 vv.n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu (Raskopki 2005–2006 gg.). In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (red.), *Drevnyaya Tavrika. K 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy*. Simferopol, 291–302.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev.
- Zasetskaya, I.P., Marchenko, I.I. 1989: Litye steklyannye kanfary iz Prikuban'ya (klassifikatsiya i khronologiya). *I Kubanskaya Arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov*. Krasnodar, 72–73.
- Zaytsev, Yu.P. 2004: Zolotyie "litsevyie" plastiny v pozdneskifskoy kul'ture Kryma. In: N.A. Zakharova (red.), *Yvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura. Tezisy dokladov uchastnikov 13 kollokviuma (12–18 aprelya 2004 g.)*. Saint-Petersburg, 47–50.
- Zhuravlev D.V. 2010: Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny). *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavriki 9*. Simferopol.

A WARRIOR GRAVE OF THE 1ST CENTURY AD FROM THE UST'-AL'MA NECROPOLIS (THE SOUTH-WESTERN CRIMEA)

Alexander A. Trufanov*, Valentina I. Mordvintseva**

**Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Russia,*
trufanov.29@gmail.com

***Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Russia,*
v_mordvintseva@mail.ru

Abstract. In 2015 during excavations in the Ust'-Al'ma necropolis there was discovered a niche-grave No. 1074 with a burial of male 25–35 years old having many intravital injuries which should be traces of battle strokes. The burial complex is dated to the mid-1st century AD. It belongs to a group of burials of barbarian elite accompanied by gold funeral wreaths and face-coverings (eye- and mouth-pieces). Most of these graves are earthen catacombs located along the road leading towards the ancient fortified settlement of Ust'-Al'ma on the western coast of the Crimean peninsula. Male burial complexes of this group usually consist of weapons (sword, bow, arrows). As a rule, the burial goods are plentiful and rich. The utilitarian elements of burial dress are often made of precious metals, and are represented by arm-rings, brooches, pendants, amulets, elements of belt-equipment, sewn plaques. Among other burial goods there are amphorae, wooden utensils with carved figures of animals, and Roman imported bronze and silver ware etc. Taking in consideration the use of the burial structures of a special type, placement of the graves in a special area along the road leading to the settlement, as well as the extraordinary splendor of the funeral equipment, it can be concluded that here there was buried representatives of the social elite of a highest rank. The use of a not usual type of the burial structure (a niche-grave) and the relative scarcity of funeral inventory presenting, however, signs of a high social status (funeral wreath, face-coverings, a sword) indicate the special status of the buried in the grave No. 1074 person.

Key words: South-Western Crimea, necropolis, warrior grave